

Глава 5

Была бы смелость, и Садако в декрет отправишь

Лишь теперь Хань Чжэнь заметил в углу двух незнакомцев. Он поспешно запахнул плащ, недоумевая, откуда у Цзян Юаня такие аристократичные знакомые.

— Это мой прапрапра... дедушка, — представил Цзян Юань, — а это его сын.

Хань Чжэнь смерил Дуань Аньло удивлённым взглядом.

— Ты меня за дурака держишь? Твой прадед красивее моей сестры! Если это и вправду твой прадед, я у школьных ворот буду в стойке на руках, с пируэтом и в шпагате мочиться!

Глаза Дуань Аньло загорелись. А штаны во время пируэта предполагаются?

Цзян Юань попытался всё объяснить, не решаясь, однако, сказать, что Дуань Аньло — его подлинный шицзу, прадед-основатель школы. Это было бы слишком. Он лишь упомянул, что ранг Дуань Аньло в его школе невероятно высок — выше его собственного на... раз, два, три, четыре... где-то на восемь поколений.

Проще говоря, это был его предок в восьмом колене, сокращённо — шицзу.

— Но ты же говорил, что в твоей школе никого не осталось, — с сомнением протянул Хань Чжэнь.

Цзян Юань почесал затылок.

— Ну... теперь остались.

Выражение лица Хань Чжэня мгновенно сменилось с недовольного на подобострастное.

Хоть он и не был посвящён в тайны мира метафизики, но не раз слышал от Цзян Юаня, что школы в их кругах разрастаются, как деревья в сквере: помимо основного ствола, у них бесчисленное множество ветвей.

Может, этот человек из другой ветви? Или, наоборот, ветвь Цзян Юаня наконец-то воссоединилась со своим корнем?

Он помнил и другой совет друга: если встретишь молодого человека с непомерно высоким рангом, ни в коем случае не перечь ему, вне зависимости от его способностей.

Ведь такой ранг означает, что у него либо невероятный талант, либо его взял в ученики какой-нибудь древний монстр.

Обидишь птенца — прилетит стая. В этом мире нужно уметь выживать в щелях и уступать, когда это возможно.

Судя по возрасту Дуань Аньло и его статусу, даже если он сам не силён, за его спиной наверняка стоят могущественные покровители.

Хань Чжэнь тут же подбежал к Дуань Аньло.

— Здравствуйте, прадедуська! Мы с Цзян Юанем не разлей вода, братья по духу! Спасите меня,

умоляю!

Дуань Аньло всё ещё размышлял о его предыдущем заявлении.

— Мне вот что любопытно, — с неподдельным интересом спросил он, — когда ты будешь мочиться в стойке на руках с пируэтом и в шпагате, ты штаны снимешь?

Хань Чжэнь потерял дар речи.

Этот предок что, в горах вырос? Неужели он не понял, что это шутка, и принял всё за чистую монету?

Впрочем, удивляться было нечему. Хоть Дуань Аньло и проснулся месяц назад и унаследовал часть воспоминаний своего потомка, он лишь освоил основы современной жизни, чтобы не выглядеть совсем уж древним.

Иногда он просто не поспевал за ритмом современности, особенно за интернет-сленгом, который менялся с головокружительной скоростью.

Хань Чжэнь, поразмыслив, подобрал слова:

— Ну как сказать... Могу снять, могу не снимать. Если решу схитрить, скажу, что не сниму. Но, по правде говоря, когда я это предлагал, я представлял себе процесс без штанов. Так картина получается более зрелищной, шокирующей и позорной.

Дуань Аньло не ожидал такой искренности. Симпатия к этому юноше выросла на пять пунктов.

Но увидеть обещанное представление, желательно без исподнего, ему всё ещё хотелось.

— Прадедущка! Я, конечно, могу исполнить обещанное, но боюсь, это зрелище оскорбит ваш взор! — Главным достоинством Хань Чжэня было полное отсутствие стыда. Он присел, намереваясь обнять ноги Дуань Аньло, но живот мешал, и получилось лишь полуприсесть. — Спасите меня, живот разрывается от боли!

Дуань Аньло брезгливо отставил ногу.

— Встань и говори по-человечески.

Хань Чжэнь послушно выпрямился, обхватил живот руками и водрузил его на стол, словно арбуз. Так стало гораздо легче.

Дуань Аньло усмехнулся. Искренний, но при этом изворотливый, не заботящийся о пустой гордости, да к тому же обладатель редчайшего тела чистого Ян. Неплохого друга себе нашёл Цзян Юань.

Он повернулся к Му Цинчжо.

— Можешь возвращаться, у меня дела.

Цзян Юань, которому он уже открыл небесное око, увидел тёмное пятно над головой Му Цинчжо.

— Шицзу, он...

— Иди, — прервал его Дуань Аньло, махнув рукой Му Цинчжо. — Разбирайся со своими семейными проблемами сам. Если не сможешь, тогда звони.

Му Цинчжо с тяжёлым сердцем кивнул и, погружённый в свои мысли, покинул комнату.

— Шицзу, его преследует неудача, — прошептал Цзян Юань, глядя ему вслед. — В ближайшие дни его ждёт кровопролитие.

— Знаю. Я рашу сына, а не дочь. Я сохраню ему жизнь, а с остальным пусть разбирается сам.

Дуань Аньло по привычке взял палочку благовоний, чтобы зажечь, но тут же вспомнил, что его духов-защитников больше нет. Удручённо отложив её, он обратился к Хань Чжэню:

— В нашем деле семейные узы слабы. Поэтому даже с друзей и родных я должен брать плату, иначе это обернётся для вас же бедой.

— Я понимаю, Цзян Юань рассказывал, — кивнул Хань Чжэнь. В начальной школе он по неосторожности упал в реку и едва не утонул. Когда его вытащили, он несколько дней пролежал в жару.

Тогда ещё совсем маленький Цзян Юань вернул его заблудшую душу, а взамен забрал его новенький велосипед, не побрезговав даже дополнительными колёсиками.

Нынешняя ситуация была определённо серьёзнее, чем просто потеря души.

— Как вам мой электроскутер? Я купил его в начале года на подаренные деньги. Четыре колеса, с крышей, права не нужны, любой справится. Цзян Юаню он давно нравится.

Цзян Юань радостно дёрнул Дуань Аньло за край одежды:

— Шицзу! Берём!

Он смотрел обзоры в интернете: даже с государственной субсидией такой стоил больше четырёх тысяч. Он недавно вступил в Ассоциацию метафизики и, пока учился, по выходным брал задания. Из-за низкого уровня ему поручали лишь простые расследования.

Иногда, чтобы свести концы с концами, он по ночам вёл прямые трансляции из заброшенных мест и рассказывал страшные истории.

Этот скутер на полном заряде проезжал восемьдесят километров, и на нём можно было возить пассажира! А крыша защищала от ветра и дождя! Ему больше не придётся мотаться повсюду на велосипеде! Он был в восторге!

Дуань Аньло не знал, что и сказать. Вообще-то, им нужны были деньги, чтобы починить протекающую крышу.

А скутер... он скоро заработает и купит ему новый.

— Ладно, раз нравится, оставляй. А теперь рассказывай, какому божеству ты молился полмесяца назад?

— Откуда вы знаете, что я молился? — изумился Хань Чжэнь.

Цзян Юань нахмурился, прикидывая в уме.

— Полмесяца назад... так это же перед экзаменами было! — Он ткнул пальцем в Хань Чжэня. — Ты какому богу молился перед тестами? Просил помочь перевалить за проходной балл и набрать восемьдесят? Ты что, решил втайне меня обойти?! Предатель!

Цзян Юань чувствовал себя так, словно лучший друг вонзил ему нож в спину. Договорились же вместе быть неудачниками, а он, оказывается, метил в отличники!

— Я не загадывал желаний, — обиженно возразил Хань Чжэнь. — Просто зашёл посмотреть. И вообще, ты что, сам не просил благословения у прадеда-основателя?

Цзян Юань виновато покосился на Дуань Аньло и притих. Он часто молился: раньше — перед поминальной табличкой, теперь — тайком, стоя за спиной шицзу.

— Хватит, — брезгливо поморщился Дуань Аньло. — Всякой дряни кланяетесь. Если бы не твоё тело чистого Ян, твой живот давно бы разорвало.

Только тут оба юноши осознали всю серьёзность ситуации. Перестав препираться, они устали на живот Хань Чжэня, раздувшийся, как на пятом-шестом месяце беременности. На их лицах застыло выражение «я скоро умру» / «мой лучший друг скоро умрёт».

Цзян Юань с мрачным видом осмотрел его и, испугавшись исходящей от живота энергии, не решился прикоснуться.

— Я же тебе говорил, не молись кому попало! Особенно в безымянных храмах и у непонятных пагод! Ты даже не знаешь, кому они посвящены, а уже просишь о чём-то. Ты хоть представляешь, какой может быть цена?

— Да не молился я, — с горечью вспомнил Хань Чжэнь. — Просто зашёл вместе с сестрой. Полмесяца назад мы с ней пошли в поход на Западную гору и наткнулись на храм. Сестра просто одержима идеей завести ребёнка, и я, беспокоясь за неё, пошёл с ней. После этого у меня и начались проблемы с животом.

— Но ведь муж твоей сестры умер? — нахмурился Цзян Юань. — Какого ребёнка она хочет?

При упоминании об этом Хань Чжэнь разволновался.

— В том-то и дело! Месяц назад они с мужем поехали в отпуск. Там тонули дети, и зять бросился их спасать. Детей он вытащил, а сам... сам не смог... Они как раз пытались зачать ребёнка, и сестра надеялась, что у неё получится, что останется хоть какая-то надежда.

В такой ситуации любая нормальная женщина, даже забеременев, сто раз бы подумала, оставлять ли ребёнка.

Не потому, что мать жестока, а потому, что жизнь длинна, и растить дитя в одиночку — невероятно тяжело. Да и ребёнок, выросший без отца, может столкнуться с психологическими проблемами. Нужно было всё тщательно взвесить — и ради себя, и ради будущего малыша.

Но сестра Хань Чжэня была не в том состоянии, чтобы рассуждать здраво. При жизни муж носил её на руках, оберегая от малейших невзгод. Свекровь со свёкром любили её как родную дочь. За три года брака она ни разу не готовила, не мыла посуду, не убиралась. Даже носки стирал и аккуратно складывал муж.

Его внезапная смерть обрушила её мир.

Она отчаянно хотела ребёнка — продолжение его жизни, своё собственное спасение. Она мечтала посвятить себя их дитя и прожить остаток дней в семье мужа.

— После смерти зятя сестра стала сама не своя, постоянно всего пугалась, говорила, что он приходит к ней. Родители боялись, что она сойдёт с ума. Мама и свекровь бросили работу и по очереди дежурили рядом с ней, чтобы она ничего с собой не сделала.

Я повёл её в горы, чтобы она развеялась. И знаешь, после похода она действительно забеременела, и ей стало лучше.

А ещё в ту ночь мне приснился странный сон. Я видел бодхисаттву, чьё лицо было скрыто тенью. Она сидела на чёрном лотосе в красном одеянии и спросила, не хочу ли я родить ребёнка.

Цзян Юань сразу почувствовал неладное. Какой нормальный бодхисаттва будет так выглядеть?

— И что ты ответил? Надеюсь, не согласился?

— Ясное дело, нет! Разве я на такого похож? — Хань Чжэнь с жаром ударил себя в грудь. — Я ей так и заявил: «Я, старик, мужик! Если кому и рожать, так это тебе!» Как говорится, смелость города берёт, а моя и Садако в декрет отправит! Она так разозлилась, что хотела меня побить, но тут я от страха и проснулся.

Дуань Аньло потерял дар речи. Ну и тигр этот парень.

— Сон был слишком нелепым, я не придавал ему значения. Проснулся и жил как обычно. Мама готовила для сестры много вкусного, чтобы она набиралась сил. А та есть не могла, и всё доставалось мне. Я думал, что просто растолстел. Только вчера я понял, что-то не так. Сколько бы я ни ел, за полмесяца так раздуться невозможно!

И главное, живот у сестры совсем не растёт! Может, богиня в храме ослышалась и по ошибке подселила дитя не туда? Прямо в меня?

Дуань Аньло обошёл Хань Чжэня со спины.

— Снимай рубашку.

Хань Чжэнь сперва запер дверь на замок, убедился, что их никто не увидит, и лишь потом вернулся и стянул одежду.

Дуань Аньло покачал головой. Направил бы он свою хитрость на учёбу — давно бы уже преуспел.

На спине Хань Чжэня уже проступила паутина сосудов из призрачной ци, расходящаяся от живота.

Дуань Аньло начертал в воздухе талисман и, сложив пальцы в мудру, ударил его по спине. Хань Чжэнь вздрогнул от боли, но тут же почувствовал, как по спине разливается жар. Огонь, зажжённый в животе, постепенно охватил всё тело, согревая его ледяные, онемевшие в последние дни конечности.

Цзян Юань видел, что творится у него внутри, и от страха попятился. Иньская ци, энергия обиды, призрачная энергия и ещё какая-то непонятная сила, словно обожжённые, с бешеной

скоростью устремились обратно в живот Хань Чжэня, сливаясь в чёрное, искажённое лицо.

— Шицзу, что это?

— Всё равно убивать, — равнодушно бросил Дуань Аньло. — Не стоит ломать голову над тем, что это, как оно появилось, и слушать его оправдания. Просто убей.

— А если мы ошибёмся? Ведь чтобы дойти до такого, что-то должно было случиться. Наставник говорил, что Сюаньмэнь никогда не убивает невинных, будь то человек, призрак или демон. Ко всем нужно относиться одинаково.

Дуань Аньло снова захотелось выкопать своих непутёвых потомков и высечь их. Эти болваны так заучили своих учеников, что те совсем оупели. Неудивительно, что школа пришла в упадок.

— Посмотри на его ауру: окутанная чёрной ци, переполненная губительной энергией. Если бы он убил лишь тех, кто причинил ему зло, то свершил бы отмщение и замкнул круг кармы. Такая чёрная ци и губительная энергия не появились бы. Они возникают, только когда пролита кровь невинных.

Судя по цвету ауры, эта тварь погубила немало душ.

Сочувствовать жертве можно, но проявлять мягкосердечие — значит предать тех, кто погиб напрасно.

— Я понял, шицзу, — кивнул Цзян Юань.

Хань Чжэнь чувствовал, как его живот одновременно болит и чешется, а внутри что-то толкается. Почему эти двое затеяли лекцию, используя его как наглядное пособие?

Но раз уж его лучший друг учится чему-то новому, он решил не мешать и просто опустил взгляд на свой живот.

Его тело, коснувшись духовной энергии Дуань Аньло, невольно обрело способность видеть потустороннее. Одного взгляда на отчётливое призрачное лицо на собственном животе хватило, чтобы он заорал дурным голосом.

Моё дитячко!

Что это за хрень?!

Цзян Юань молниеносно зажал ему рот. Замолчи, шицзу не выносит шума.

Дуань Аньло постучал по призрачному лицу на животе.

— Сам выйдешь или мне тебя пригласить?

Гостиную пронзил ледяной ветер, эпицентром которого был Хань Чжэнь. Призрачное лицо, не в силах вырваться, исказилось в ярости.

— Лисий дух! — прошипел хриплый голос, похожий на визг какого-то зверя. — Советую тебе не лезть не в своё дело!

Дуань Аньло замер, его словно парализовало на несколько секунд.

Лисий... дух! Он — лисий дух?!

Ненавижу лисьих духов!

Особенно этих... распутных, язвительных, безжалостных, бесстыжих тварей, которые флиртуют со всем, что движется!

Одним резким шлепком ладони по спине Хань Чжэня он выбил призрачное лицо наружу. Не дав ему и мгновения, Дуань Аньло наотмашь врезал по нему.

Сегодня ты, отродье, умрёшь!

Примечание автора:

Поздравляю всех с Праздником драконьих лодок!

Какие цзунцзы вы будете есть на обед? Я накупила всяких. Люблю сладкие, а дети — мясные. Видела в интернете, что на юге делают цзунцзы с рыбой и лягушками, интересно, вкусно ли.

В честь праздника разыграю ещё 66 красных конвертов~

И последнее: гун появится примерно через десять глав.

<http://bllate.org/book/13676/1211732>